К 90-летию со дня рождения Леонида Леонова

МАСТЕР И ГРАЖДАНИН

Леоновское мастерство общеизвестно. Леонов и Мастер — слова-синонимы для нас. Право, мы затруднились бы назвать тут другого художника, который вот так же, по-леоновски, изнурял и даже истязал бы себя в вечных поисках наисовершеннейшей формы для своих произведений.

В пору своей молодости он отправляется на юго-восток страны, где сразу же после гражданской войны объявился враг, может быть, пострашнее басмачей,— несметные полчища саранчи, пожирающей с чудовищной быстротой зеленые ризы земли. Давным-давно в моих руках побывала тонюсенькая книжица под названием «Саранча», отпечатанная на плохонькой, какой-то серовато-желтой бумаге, под цвет гнусного насекомого, оказавшегося главным «героем» книжки. Но я и теперь помню ее, хотя с той далекой поры ни разу не перечитывал; помню, потому что был сильно и больно обожжен словами, клокотавшими там. Кажется, это было чуть ли не первым выступлением писателя в защиту «зеленого друга».

«Русский лес» вовсе не случайно появился сразу же после великой разрушительной войны, на которую Леонов тоже откликнулся одним из первых. На нашествие уже не с юго-востока, а с запада двуногой саранчи, несшей неслыханное опустошение родной нашей земле, писатель в немыслимо малые сроки откликнулся своим «Нашествием», дошедшим с молниеносной быстротой до сердца народного и задевшим самые живые его струны. Создание этого произведения было актом в высшей степени патриотическим. Когда же окончилась война и страна вернулась к делам мирным, Леонов опять же одним из первых увидел новую опасность: как бы в созидательном пафосе человек не натворил новых бед, не обокрал бы самого себя, не лишил бы себя, говоря обобщенно, воздуха, коим дышит, не обрек бы себя сперва на кислородное голодание, затем на полный голод, а потом уж на самоё смерть.

Мы можем читать подряд все написанное Леоновым — будь то роман, повесть, пьеса, статья или даже частное письмо,— и не перестанем удивляться поразительной яркости языка, каковой мы теперь уж называем просто леоновским. А почему, собственно? Разве он его изобрел? Разве в нем встречаются слова непонятные, привлеченные из других языков или сотворенные заново? Нет же, у Леонова воистину «все понятно, все на русском языке». Зачем же тогда говорим: «леоновский»? ...Перед нами бесконечною чередою проходят книги, которые можно различить только по именам их создателей, хотя в каждой наличествует и сюжет свой, иногда даже своя проблема, и модный ныне, опять же свой, подтекст. Но вот беда: текста-то своего и нет. ...Такие же мастера, как Леонов, работают с языком на всю его историческую национальную глубину.

Фото А. Карзанова.

Леонову по-сыновьи дорого славное прошлое его Родины, хотя он и отдает себе полный отчет в том, что, как он говорит, «...одним воспоминанием прошлого не проживешь. Старина любит красоваться в раме могучей современности, и сколько на нашей памяти увяло слав былых, не поддержанных деяниями потомков. Время от времени, врываясь в застойные будни, новые, высшей целесообразности идеи порождают гигантские, подобные Октябрю, события. Неторопливые историки, когда придут на смену нетерпеливым нынешним летописцам, подведут окончательный баланс совершившимся преобразованиям с учетом и материальных достижений, выдвинувших нашу державу на полупервейшее индустриальное место».

Нынешняя перестройка и ворвалась в «застойные будни», о которых говорит Леонов-гражданин. Потому-то и смотрит он, мудрец, на происходящие перед его зоркими очами события с надеждою и одновременно тревогой. И будто хочет предупредить всех нас и тех, кто придет нам на смену,— предупредить вот о чем: как бы ни был значителен и исторически важен день сегодняшний твоего Отечества, он нуждается в опоре дней минувших, как бы тяжки они ни были.

...На днях, с тайною надеждой, что, может быть, вот сейчас, в канун юбилея своего, наш Мастер смилостивится над нами и передаст для публикации свой новый труд, я подошел к его дому. Он ждал меня у подъезда. Было ветрено, слякотно, под ногами скользко. А мой девяностолетний собеседник шагает быстро, не желая воспользоваться моей рукой, чтобы опереться на нее. Едва я раскрыл рот, чтобы заговорить о его рукописи, он, по обыкновению, сердито оборвал меня:

— Нет, нет... Сырой, очень сырой! Скажите, вы оптимист или пессимист?

Я промолчал.

И все-таки оптимист! Ведь первые главы нового романа читатель увидел в этом номере.

Михаил АЛЕКСЕЕВ.

Ниже мы знакомим читателей с фрагментами из нового романа Леонида Леонова. Первые пять глав романа публикуются в журнале «Москва».

Леонид ЛЕОНОВ — Фрагменты из нового романа

...С САМОГО НАЧАЛА было понятно, что деканское место служит Сатаницкому прикрытием его коренной деятельности, о коей в те годы безопаснее не догадываться. Все же общеизвестная отзывчивость последнего на всякого рода новации в искорененье ненавистной старины, в особенности еретические начинанья, внушала уверенность найти у него поддержку в объеме поставленной задачи. Лишь после состоявшегося свиданья объяснилась и пугающая причина моего внезапного и впечатляющего успеха, не исключено даже, что меня уже с нетерпением поджидали там, куда я собирался. Процедурные затрудненья при получении аудиенции у сановников подобного ранга в данном случае носили чисто маскировочный престижный характер.

Кстати, среди столичных тайнолюбцев периодически, от случая к случаю, возникали дразнящие воображения слухи насчет преисподней корифеевой изнанки. И когда уже стала проступать, складываться общая панорама сего повествования, меня тоже, как и о. Матвея, потянуло глазком взглянуть на своего будущего, эпизодического персонажа для воплощения почти необъятной темы. Однако в поисках канвы для сюжетной упаковки каждый раз не хватало времени, повода, пожалуй, и решимости общаться с тем, об избавлении от чьих козней церковь обращается к небу в молитве господней. После долгих размышлений и колебаний и лишь бы отбиться от искушенья и даже в надежде на ошибку, неисправность линии, прямой отказ я наугад набрал на диске телефона первопопавшееся многозначное число, и так случилось, что с ходу попал в самое яблочко мишени. На запрос о весьма желательной встрече с загадочным корифеем глуховатый женский голос как бы издалека аристократично выразил ироническое сожаленье, что кто-то наивно рассчитывает на скорый у него личный прием. Когда же, не называясь, сослался я на застарелую мечту все той же моей газеты поместить во утоление читательских интересов обзорную статью о творческих устремленьях ученого, тронутая елейным тоном просителя секретарша доверительно, без указанья географических пунктов ознакомила его с приблизительной на ближайший квартал загрузкой Сатаницкого. Еще до конца зачетной сессии вынужденный покинуть столицу декан вылетает с нашими делегатами в одну заокеанскую корпорацию с челночным заездом в соседнюю столицу для выступления на посвященном завтрашнему веку структуралистическом конгрессе, откуда частным образом вернется в Европу для присутствия в качестве наблюдателя на экуменической встрече бездогматических новохристиан, а после нескольких лекций на юбилейных симпозиумах двух университетов, почетным доктором коих является с давних пор и если не подоспеет какая-нибудь внеочередная миссия, непременно посетит один укромный уголок близ северной Адриатики, который в силу кое-каких интимных воспоминаний странным образом всегда оказывается у него на обратном пути. Болтливой и, видимо, из наемных кадров осведомленной девице доставляло благодарную радость пребывания в орбите всех, лишь предполагаемых ею, надмирных начинаний шефа. И наконец, после целой серии моих почитательных воздыханий, намекнула вскользь, что в ближайшее воскресное утро, после приема одной тут настырной делегации, в распорядке дня у ее начальника может оказаться получасовой просвет, так что если приду пораньше, она попытается на свой страх и риск пропихнуть меня к нему в святилище.

Встреча была назначена в одном из столичных институтов не то прикладной, не то проблемной систематики, где корифей по совместительству с прочими должностями возглавлял особо важную кафедру, кажется, передовых наук, из деликатности я постеснялся справиться — каких именно...

С некоторых пор как-то незаметно при московской конторе Сатаницкого обосновалось негласное бюро всемирных идей по дальнейшему освоению земного шара. К счастью для России, самые отъявленные, вовсе невыполнимые прожекты заблаговременно сгинули в дебрях бюрократической рутины, но кое-что с неописуемыми последствиями для страны все же было предъявлено к исполнению. Так, сорок лет спустя, на ум пришла устрашающая фантасмагория обводнения бесплодных южных пустынь за счет сверхизбыточной северной влаги. И действительно, если бы взглянуть на планету из-за облачной высоты, то стоило лишь перекинуть Кавказский хребет на побережье Северного Ледовитого океана, а Саяны сдвинуть под Таймыр, как вся кубокилометровая громада воды, наткнувшись на непреодолимую преграду, поневоле тотчас устремилась бы вспять к повсеместному улучшению земледелия — в таких случаях неописуемые расходы неизменно перекрывались послушным энтузиазмом простаков, который по части святынь действовал с остервенением взрывчатки. Словом, подобно тому, как индусы защищены Гималаями от сурового дыхания Северного полюса, перемещение горных массивов возвело бы и самое тундру в разряд субтропиков. Только набатное сопротивление народа помогло преодолеть столь наглядный припадок невежественной самодеятельности. Но осуществлялись лишь подвиги помельче: вроде солончаковое опустынивание прикаспийских степей, где веками паслись табуны лошадей и овечьи отары, гнилостные водохранилища на бывших, благодатных когда-то волжских поймах, высохший Арал, срубленные сибирские кедровники, многопечальный БАМ, глубинная перепашка плодоносных нив с вывертом наружу чуть ли не ледниковой глины, причудливо размещенные гидростанции, что в случае черной аварии в верховьях на одной из них каскадная лавина вод смыла бы остальные аж до самого устья, и наконец безвестные, раскиданные по стране, братские могилы надолго останутся в поученье потомкам.

Характерно, что те самые круги, вдохновлявшие народ—не ждать милости от природы, а брать силком на манер того, как изымались ценности у побежденного класса, после первых же хозяйственных провалов и в защиту непогрешимой доктрины придумали адскую версию интеллигентского вредительства, которая в конечном итоге и привёла возмечтавшую страну к разбитому корыту.

В качестве личности, юридически несуществующей, корифей авторство своих благодеяний многолико воплощал через подставных любимцев и дальше руками реальных тружеников, предоставляя им труд, честь и славу осуществляемых начинаний. Причитающийся ему на долю словесный фимиам воспринимал не иначе, как под видом главного вожака, который железной хваткой вводил общество, цивилизацию и уже огрызавшуюся природу в рамки своей доктрины. Однако высвобождая дух людской из-под мертвящей накипи веков, не оставлял без внимания и насущные, обиходные нужды подвластного ему человечества, вплоть до крайних мелочей.

Нередко анонимные участники школки повергали в долговременное расстройство и конфуз соответственные ведомства несколько несуразными идеями по части рационализации, вроде создания мясо-молочного скота без косточек на манер винограда шасла или применения крупных землеройных механизмов — экскаваторов и бульдозеров для ускорения археологических раскопок. Зато выгодно оправдали себя и прижились некоторые широкого профиля рекомендации в гонорарной практике всех искусств, в качестве более демократического (с целью поголовного привлечения жителей к творческой жизни), чисто трудового критерия художественной продукции чохом — с оплатой музыки по суммарной мощности децибелов, а живописи и литературы — по площади окрашенного холста и по весу авторской рукописи...

Деятельность активистов явно потустороннего профиля, как и поведение их шефа, в итоге сводилась к выявлению — откуда в конце концов повелся род людской? Вольтеровский сарказм их работ с неизменным перцем крупного помола содержал в себе плохо скрываемое раздражение против тех, на чью потребу предназначались. В научных кругах давно ходили разговоры о фундаментальном сочинении молодого доцента под игриво-бесовской кличкой Откуси, где, опровергая Дарвина, в патриархи рода человеческого возводился не царь грибов — боровик, даже не работяга-трутовик, столь послуживший людям до изобретения спичек, а обыкновеннейшая из поганок. Судя по легенде, тематическое озарение состоялось у автора якобы однажды поздней осенью, на прогулке с лукошком в дремучей глухомани, когда под коряжкой, где на пне угнездилось целое семейство оных грибков, обнаружил он их глуховатое, в унисон и на манер аукания зябкое бормотание, в коем временами прослушивались стридулирующие фонемы древнего санскрита, испускаемые как бы сквозь зубы, что представляется крайне странным по отсутствию таковых у растительных организмов.

Немудрено, что чрезмерная развязность темных сил переполнила чашу общественного долготерпения. Стряхнув с себя гипнотическую одурь заумных речений, зашевелились уцелевшие по недосмотру властей столичные долгожители, по старинке считавшие себя совестью страны. Но ввиду неуязвимости для критики всей школки в целом во главе с Волосюком, нашумевшим новатором биологических наук, переполох не выходил пока из кулуарных пределов.

Перечисленное так часто отражалось в ядовитых анекдотах подполья, что сам корифей мимоходом в одной из лекций с негодованием отозвался о них, как о злостных кознях обывателей, церковников, классовых врагов вообще.

Сам же Сатаницкий помещал в прессе под разными псевдонимами популярные эссе, где наравне с идеалистическими бреднями подвергались рассмотрению и более злободневные проблемы, в частности,— не скрывается ли в чьей-то обмолвке: будто всякая цивилизация — бикфордов шнур к бочке с порохом в финале,— скрытый намек на недолговечность Советской власти.

Все чаще его влияние сказывалось на многих отраслях не только хозяйственной деятельности людей. Кстати, характерное присловье сомненья, появлявшееся если не в тексте, то в интонациях тогдашних ораторов, позволяет предположить корифея непременным, чаще всего заочным участником конференций, симпозиумов и просто дискуссий на интеллектуальные темы, и даже чуть возникал где-нибудь мало-мальски умственный диалог, он торопился инкогнито примазаться третьим. Тут он пользовался любыми средствами, применяемыми в большой полемике, от анекдота до низведения в абсурд, лишь бы подорвать престиж небес. Планомерно рассыпая технические благодеяния на пути к захвату мира, он расширял свою мафию по всем параметрам жизнедеятельности, чтобы, выйдя в апофеоз, обернуться к людям мстительной изнанкой...

Принимая близкое участие в тогдашней раскорчевке целины российской, он вовсе не считался с болезненными переживаниями клиентуры, и натурально, что проницательные старички начинали шепотком интересоваться истинной личностью корифея. Помимо полной засекреченности его быта, местожительства и слабостей, вроде неприязни к фотографам, Сатаницкий скорее из озорства, нежели по ученой рассеянности время от времени позволял себе игривые оплошности, например, в один и тот же вечер присутствуя на симпозиуме, юбилейном банкете и даже на похоронах, притом в разных концах столицы; чтоб не заподозрили в идеализме, публика как бы не замечала чудесной способности корифея, который как и прочие, разрываясь на части, оставался в целом виде.

Словом, помимо ремесленной приманки меня влекли туда и скопившиеся недоумения, в частности, выяснить сомнительную покамест его принадлежность к высшей преисподней камарилье...

Меня вывело из забытья множественное пошаркиванье мелких шажков, и, выглянув из своей ниши между шкафами, увидел приближавшееся шествие почтенного, на подбор, ветхого старичья. Как оказалось, то были отставные деятели разных отраслей одного из московских районов, прозорливо осознавшие грустную суть происходящего, благо терять им было нечего, решились поговорить начистоту с самим зачинателем грандиозных бурь вещего значения, вовлекающих мир в дыру невообразимых перемен к чему-то лучшему; принижение людей до родства с грибом, в отместку за их соперничество у престола Господня, явилось лишь внешним поводом для их героической вылазки...

ПЕРЕДНИЙ, с обеих сторон поддерживаемый под локотки, бережно прижимал к груди перевязанный конфетной ленточкой волюм машинописного текста в три пальца толщиной.

— Позвольте доложиться сперва...— пылающим от волненья голосом начал запевало.— Мы не церковники, не академики, а просто старожилы земного шара, квартирующие в домоуправлении сто шестьдесят пять по Стабеевскому проезду. И привела нас сюда первостепенной важности потребность обсудить с вами — достоин ли человек быть высшим венцом природы?

— Простите, и вы действительно считаете меня достаточно авторитетным лицом — утолить вашу жгучую надобность?

— Почитаем вас как первоисточник лжи, зла и тьмы, помышляющий себя равновесом с правдой, добром и солнцем,— мужественно, из-за чужой спины выпалил один из них.

— Точнее, разговор пойдет о произволе той высокой особы, которую, как справедливо отметил один поэт, «никто не любит и все живущее клянет»... враги его, разумеется,— глухо и как бы оробев, уточнил кто-то из делегации.

— Не только клянут, но и клевещут,— назидательно сказал Сатаницкий.— приписывая ему ненасытную страсть скупать по дешевке души грешников, хотя зачем ему в таком изобилии заведомо тухлый товар?.. и тем самым кощунственно унижают собственного Творца, возводя ему в антиподы, подумать страшно!.. чудовище, взимающее дань со своих подданных в размере одной дохлой мыши в год,— театрально подивился он.

— Не кажется ли вам, почтеннейший,— вновь подал голос тот позубастее из задней шеренги,— что еще большее кощунство затеваете вы, провозглашая сынов божьих наследниками заурядной поганки.

Тут остальные старички сокрушенно покрякали в знак солидарности с коллегой.

— Ах, вот вы о чем! — как будто лишь теперь догадался о цели их прихода.

— Тем не менее позвольте вручить наш меморандум, где мы вкратце изложили свои надежды и опасения. Горе в том, что наблюдаемое низведение человека сперва в животный регистр, а там, глядишь, и пониже в конечном итоге грозит суровыми последствиями для всей нашей, кое-как сработавшейся триады: небо, вы и мы,— продолжал все тот же смельчак, самоотверженно, вступая в роль запевалы.— Ибо чем станут заниматься обе ваши высокочтимые стороны, когда с ликвидацией человека утратится главный конкурентный объект их деятельного соперничества? Меж тем нынешние опыты микробиологии, успешно осуществляющие брачный союз без любви, селекционные свадьбы без родительского благословения, ставят мир на порог девальвации самой жизни. Как и в средние века новый гомункулус, коему суждено подменить род людской на земле, с виду будет обладать всем, как мы, кроме души, без чего отлично обходятся милые пчелки... да и откуда ей взяться in vitro[1]? Выйдя из пробирки наружу, он слипшимися от зеленой слизи глазиками строго уставится на вас обоих — «кто такие, отколе и зачем вы?» А рассуждая о правах живого человека, стоит заодно коснуться и его не менее важных прав посмертных. Ввиду грядущих потрясений с пролитием большой крови неминуемо войдет в медицинскую практику пересадка внутренней органики погибших полуубитым для повторного их использованья на поле боя и тем самым — вовлечение инертных кадров во всеобщую свалку за вселенское счастье. С возрастанием обильных жертв стихийно возникнут госпитальные фонды человеческих запчастей, и всякий раз при виде терзаемой особи врач станет мучиться опасением не только физиологической несовместимости, но и духовной сортности сочетаемых сторон, ибо негоже — чтобы сердце безгрешного паренька работало в груди изношенного распутника и наоборот. В случае неотторжения заповедный статус человека снижался бы на уровень пригодной для дикарского меню и слишком возомнившей о себе говядины. Словом, революция есть лекарство обоюдоострое: чем дальнобойней ее пушки, тем глубже их последующий тыловой откат, и чем усерднее их вдохновенная пальба, тем летальней для нации затянувшийся саморасстрел!.. И если искони незыблемая традиция предков охраняла одинокую могилу от поруганья, светлую личность — от клеветы, доброе имя — от забвенья, то пусть всемирная совесть установит юридические рубежи священной неприкосновенности даже бренных останков наших.

— Пардон, уважаемые старожилы земного шара, давайте-ка сразу уточним поближе, о чем речь? — слегка нахмурился корифей.

— Да все о том же! — виновато поежился оратор.— Не успел ваш любимец, могущественный Волосюк, разгромив злосчастную генетику, справить тризну на кургане именитых жертв, как соратник его по духу и методу собирается публиковать толстый труд, где отныне предком людей провозглашается не какой-либо плаун-ликоподий либо обыкновенная инфузория с хватательными усиками, что было бы не столь обидно, если уж требуется для высокой полигики, а даже для дикого зверя несъедобный гриб. Человечество и без того спотыкается, задыхается с таким скарбом за спиной, да все в гору, а тут ему словно ломом по ногам! Пощадите завтрашние поколения, не сдирайте с них библейскую позолоту догола: они в скотском-то виде такой фортель выкинут, что, как выразился один русский полуклассик: «упокойнички во гробах спасибо скажут, что умерли». Уже теперь на горизонте проясняется понемножку, что разум без благоразумия хуже всякого безумия, в котором иногда прячется изгоняемая истина. Судите сами, с райских времен люди, как дети, тянулись к запретным дарам природы, и неспроста народный эпос поручил самой отборной, простите за выражение, нечисти охранять последние — не для утайки их от тех, ради кого создавались, а в защиту самих людей от обычных последствий ребячьего баловства со спичками. И почему-то с выходом наук на магистраль самых благодетельных с виду, но обнаруживающих вдруг обоюдоострую двоякость открытий рогатая охрана все чаще стала оставлять без присмотра не только запасенные на черный день сказочные клады и недры подземные с рудными сокровищами, но и пульты управления сокровеннейшими механизмами жизни и смерти. Отсюда получается, что по отнятии небесного родства с обнажением людишек до полной срамоты телесной уже нынешняя убогая наша нравственность слишком отстает от врученного нам технического могущества.

Старец смолк со спущенными вдоль тела руками, словно понял вдруг — куда и к кому притащился за жалостью и пощадой.

— Видите ли, я внимательно листал работу товарища Откуси и не вижу, родимые, чем с фактической стороны могла огорчить вас находка даровитого юноши, раскрывшая величие именно обыкновенной догадки. Помимо сближающего ее с людьми отсутствия хлорофилла, также общей у них неспособности к летанию, показалось мне правомерным и указание на содержащиеся в грибе непоказанные ему по грибному статусу вещества вроде гликогена или хитина, а тем более входящей в состав вашей крови аминокислоты креатинина. Недаром ученые Линнеевой поры путались—причислять ли грибное царство к ботаническому или животному ведомствам природы? Нас также не должно смущать, что у гриба всего одна ножка в отличие от двуногого человека, потому что в миоценовых и третичных лесах обреченные на оседлую жизнь изобилием пищи буквально под руками, которые, заметьте, теперь тоже исчезли за ненадобностью, они не рисковали в целях охоты или моциона бродить по болотным трясинам, населенным чудовищами. Кстати, к тем же заключениям приводит наличный у гриба мужской признак с той же функцией, антеридий, известный у человека под другим названием и которого лишена одноклеточная праводоросль общепризнанная родоначальница всей жизни на земле. И наконец, находящийся у гриба под землею мицелий, по сходству составляющих его гифов, не напоминает ли роднящий их с людьми же клубок нервов вследствие постоянного страха попасть на сковородку нашей жгучей современности. К слову, как видно, вам не терпится сделать науку служанкой теологии по примеру пресловутого Фомы Аквината, который был, мало сказать, монахом, но и феодалом по отцу, состоявшему в ближайшем окружении императора, чьим опекуном в детстве, позднее посадившим его и на престол, был не кто иной, как папа римский, помимо графского происхождения именовавший себя земным наместником еще более высокопоставленного, вовсе иррационального лица... Обратите внимание, какая причудливая для праведника анкетка, не так ли? Подумайте, с кем вы смыкаетесь семь веков спустя! — и сделал строгую паузу, чтобы старички прониклись ощущеньем своей политической ущербности.

— Мы не смыкаемся, мы сами по себе...— виновато сказал один из них, как лунь седой.

— Ничего, здесь нас никто не слышит,— успокоил Сатаницкий свою затихшую аудиторию.— Правда, до меня доходили слухи, что завистливая кулуарная молва приписывает автору еретическое озорство вплоть до глумления над здравым смыслом. Строго говоря, я и сам усматриваю неуместным в научном труде интуитивные всплески вольности. В частности это относится к абсурдному утверждению, будто наличие шляпы у человека и гриба напрямую свидетельствует об их прямом и древнем родстве. Ибо у человека она всего лишь искусственная, в защиту от зноя или непогоды надеваемая покрышка, тогда как у гриба это вполне телесный, инофункциональный придаток, который по причине постоянного местопребывания просто узурпировал себе верхушечную позицию, не так ли, друзья? Иронический же чертежик на полях рукописи, наглядно поясняющий смешную путаницу головного убора с анатомическим органом, в просторечии именуемым голова, следует толковать как деликатность новатора, пытавшегося детской шуткой смягчить суровую правду своего открытия. Допускаю, что мысль о божественности гриба могла зародиться в рядовом сознании отчаявшегося алхимика, испытавшего наркотическое блаженство от спиртовой настойки на мухоморе... мало ли какие невостребованные секреты доныне валяются в стовековых отвалах мысли людской, где всякий легко отыщет все, что ему надобно для бессмертия. Не исключено даже, что молодой автор сознательно начал отсчет человечества с промежуточной поганки, чтобы намекнуть о возможной дурной наследственности, и тем самым диалектически вернуть их к вашему варианту для нравственного оздоровления, чем, однако, вовсе не отменяется начавшийся процесс возрастной деградации с неизбежным самовозгоранием уплотнившейся человечины... но тут можно ожидать, что на следующем этапе по окончании бойни все их преимущество перед безгласной четвероногой братией, которую они привычно запрягали, стригли, били, доили и ели, сведется к тому, что вся наличная на земном шаре живность будет погребена в желудках людей: вероятнее всего гордый человек, самозваный царь природы, по нехватке пропитания уйдет с планеты последним.— продолжал корифей, причем временами слегка грассирующая речь, убедительная эрудиция, умственная лексика и почти гипнотическое обаяние — все в нем при внешнем несходстве странным образом напоминало еще популярного тогда бывшего наркома просвещения.— Людям была предоставлена полная свобода валять из себя то, что им заблагорассудится. Принято не гнушаться, а поистине гордиться невзрачной родней, откуда эволюция и талант возвели человека на нынешние вышины, где уже никто не покушается на его царственное могущество, все никнет и вянет под его испепеляющим взором—зверь, птица, дерево, самая терпеливая трава, вплоть до разрубленного лопатой червя, который, лишь бы продлить свой жалкий срок до окончательного заземленья, торопится укрыть в норе трепещущие половинки. Любая тварь обладает одинаковым гражданством под солнцем, но только вас, себе на шею, природа наделила творческим даром мышления о самих себе. Откуда и зародился наивный миф о божественном происхождении человека, все чаще и нагляднее опровергаемый вашей плачевной действительностью. Иначе зачем были нагромождены пирамидальные гекатомбы живого мяса — во имя, как теперь выясняется, чисто пайкового блаженства пусть даже в объеме скромных мечтаний ваших чересчур щепетильных соплеменников, готовых мириться и с нищетой, только бы поровну, по национальной поговорке: на миру и смерть красна. Не отрицаю, куда приятнее происходить от благороднейшего и особенно в сметане симпатичного боровика, но взываю к вашему милосердию, оглянитесь, граждане, на жалостную стайку бледных, под навесом скалы, беззащитных существ — как они, покачиваясь на хрупких ножках, грезят в генетической дремоте о своих милых правнуках, которые публично из ложной гордыни и в канун предстоящего крушенья откажут в кровном родстве. И оттого, что все содеянное личностью, хорошее и плохое, со временем становится ее автобиографией, то стоит ли вам всемирно отрекаться от собственной истории, как если бы ее не было? Не виню вас, братцы, за пессимизм: каждое поколение судит о цивилизации с позиций своего возраста, а в преклонном вашем и не без намерения слегка притормозить ее, опасно расшалившуюся, даже накануне ее расцвета... но пусть стрела летит в назначенную ей мишень! Простите, времени в обрез, вечером улетаю за границу, а в приемной у меня ждет беседы еще один, высокочтимый клиент, жаждущий потолковать за человечество.— заключил корифей не без расчета быть услышанным за дверью.— Итак, все ли вам понятно?

— Вполне, вполне,— робко и недружно отвечали старички...

[1] В склянке, в пробирке (лат.).